

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск IX

Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2019

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_9>

© www.milhist.info

© Акчурин М.М.

© Беляков А.В.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)44
УДК 94(47).04

Акчурин М.М., Беляков А.В. Мещера и Крым в конце XV-XVI в.

История вхождения Мещеры в состав Московского государства и первые столетия ее развития после этого события слабо отображены в источниках. Но, несмотря на это, у нас имеется возможность проанализировать сложные и противоречивые взаимоотношения так называемого Касимовского царства и региона Восточной Мещеры с Крымским ханством последней четверти XV – первой четверти XVI в. Основным и не переоцененным источником в подобных исследованиях являются ранние русско-крымские посольские книги. Однако мы можем обратиться и к некоторым другим документам, которые, как правило, не используются исследователями для анализа непростых русско-крымских взаимоотношений через призму истории Мещерских земель.

Ключевые слова: XVв., XVIв., Мещера, Касимовское царство, мещерские татары, Крымское ханство, Русское государство.

Авторы: Акчурин Максум Маратович, г. Казань Соискатель ученой степени кандидата исторических наук в Институте истории им. Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан. Область научных интересов: социально-политическая история Улуса Джучи и постордынских государств, этническая история народов Волго-Уральского региона. bigeevo@yandex.ru

Беляков Андрей Васильевич, г. Рязань. Старший научный сотрудник Института Российской истории РАН. Доктор исторических наук. В 2001 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Служащие Посольского приказа второй трети XVII века». В 2017 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII в.». Автор вышедшей в 2011 году монографии «Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование», а также других публикаций. Область научных интересов: военная история XVI-XVII вв. belafeb@gmail.com

Литература, использованная в статье:

[Виноградов А.В. Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей русского государства и Крымского ханства 60-90-х годов XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. — 2016. — № 8.](#)

Рахимзянов Б.Р. Мещерский юрт как зона двойного влияния московского государства и крымского ханства // Крымское историческое обозрение. — Казань; Бахчисарай. — 2016. — № 1.

Акчурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. — 2014. — Т. 6.

[Беляков А.В. Енгальчева Г.А. Темниковское княжество по источникам XVI-XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. — 2014. — № 6.](#)

Беляков А.В. Огланы (уланы) в России второй половине XV-XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2014. — Т. 13. — Вып. 8: История.

Моисеев М.В. Выезды «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV-XVII веках: сб. материалов конф., 2002-2004 гг. — М., 2006.

Зайцев И.В. Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой орды // Российская история. — 2013. — № 3.

Филюшкин А.И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. — СПб., 2007.

Лемесье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованным источникам из архива Музея дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. — Казань, 2009.

Ишеев М., Акчурин М., Абдиев А. Татарские княжеские роды на Цне // Сборник материалов 6-й ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». — Н. Новгород, 2010.

[Моисеев М.В. Касимов, «Мещерские места» в русско-ногайских отношениях](#) // Третьи Яхонтовские чтения. — Рязань, 2005.

[Моисеев М.В. Взаимоотношения России с Ногайской Ордой в годы регенства Елены Глинской и боярского правления \(1534-1541 гг.\)](#) // Средневековые тюрко-татарские государства. — 2015. — № 7.

Беляков А.В. Касимовские татары – станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа XVII в. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — Рязань, 2001. — Т. 2.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2019/06/28/akchyrin_belyakov

Ссылка для печатных изданий:

Акчурин М.М., Беляков А.В. Мещера и Крым в конце XV-XVI в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. II. — С. 156-181 <http://www.milhist.info/2019/06/28/akchyrin_belyakov> (28.06.2019).

Akchurin M.M., Belyakov A.V. Meshchera and the Crimea at the end of the fifteenth–sixteenth centuries

The history of Meshchera's entry into the Muscovite State and the first centuries of its development after this event is poorly reflected in the sources. Nevertheless, we have the opportunity to analyze the complex and contradictory relations between the so-called Kingdom of Qasim and the region of Eastern Meshchera with the Crimean Khanate of the last quarter of the fifteenth - the first quarter of the sixteenth centuries. The main and not overvalued sources in such studies are the early Russian-Crimean embassy books. However, we can refer to some other documents, which, as a rule, are not used by researchers for analyzing the difficult Russian-Crimean relations through the prism of the history of Meshchera

Key words: Meschera, Kingdom of Qasim, Meshchersky Tatars, Crimean Khanate, Russian State of the fifteenth-sixteenth centuries.

The authors: Akchurin Maksim Maratovich, Kazan. Applicant for the degree of candidate of historical sciences at the Shigabutdin Mardzhani History Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Area of scholar interests: the socio-political history of the Ulus of Jochi and the post-Golden Horde states, the ethnic history of the peoples of the Volga-Ural region. bigeevo@yandex.ru

Belyakov Andrey Vasilyevich, Ryazan. Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. In 2001 he defended his thesis for the degree of candidate of historical sciences on the subject "Employees of the Ambassadorial Order of the second third of the seventeenth century". In 2017, he defended his doctoral thesis on the topic "Incorporation of Turkic nobility in Russia: Chinggisids in the Muscovite State of the fifteenth-seventeenth centuries." In 2011, he published the monograph "Chinggisids in Russia of the fifteenth-seventeenth centuries: a prosopographic study", as well as other publications. Area of scholar interests: a military history of the sixteenth-seventeenth centuries. belafeb@gmail.com

References:

[Vinogradov A.V. Sluzhilye tatory Posol'skogo prikaza v osushhestvlenii diplomaticheskikh svyazej russkogo gosudarstva i Krymskogo hanstva 60-90-h godov XVI veka](#) [The Tatars of the Embassy order in the implementation of diplomatic relations of the Russian state and the Crimean khanate 60-90-ies of the XVI century] // *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva*. — 2016. — № 8.

Rahimzjanov B.R. Meshcherskij yurt kak zona dvojnogo vlijanija moskovskogo gosudarstva i krymskogo hanstva [Meshchersky Yurt as a zone of double influence of the Moscow state and the Crimean khanate] // *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. — Kazan'; Bahchisaraj. — 2016. — № 1.

Akchurin M., Isheev M. Jetnopoliticheskie struktury Meshchery v XVI v. [Ethno-political structure of Russian in the XVI century] // *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva*. — 2014. — T. 6.

[Beljakov A.V. Engalycheva G.A. Temnikovskoe knjazhestvo po istochnikam XVI-XVII vv.](#) [Temnikov Principality according to sources XVI-XVII centuries] // *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva*. — 2014. — № 6.

Beljakov A.V. Oglany (ulany) v Rossii vtoroj polovine XV-XVI veka [Oglan (ulany) in Russia in the second half of the XV-XVI century] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Istorija, filologija. — 2014. — T. 13. — Vyp. 8: Istorija.

Moiseev M.V. Vyezdy «tatar» i vostochnaja politika Rossii v XVI veke [Departures of "Tatars" and Eastern policy of Russia in the XVI century] // *Inozemcy v Rossii v XV-XVII vekah: sb. materialov konf., 2002-2004 gg.* — M., 2006.

Zajcev I.V. Potomki Chingishana v Moskve i Stambule: sravnitel'nyj analiz [Descendants of Genghis Khan in Moscow and Istanbul: comparative analysis] / *Chingisidy v Rossii: «zolotoj rod» posle padenija Zolotoj ordy* // *Rossijskaja istorija*. — 2013. — № 3.

Filjushkin A.I. Proekty rusško-krymskogo voennogo sojuza v gody Livonskoj vojny [Projects of the Russian-Crimean military Union during the Livonian war] // Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejših vremen do HH veka. — SPb., 2007.

Lemes'e-Kel'kezhe Sh. Kazanskoe i Krymskoe hanstva i Moskovija v 1521 g. po neopublikovannym istočnikam iz arhiva Muzeja dvorca «Topkapy» [Kazan and Crimean khanates and Muscovy in 1521] // Vostočnaja Evropa Srednevekov'ja i rannego Novogo vremeni glazami francuzskih issledovatelej. — Kazan', 2009.

Isheev M., Akchurin M., Abdiev A. Tatarskie knjazheskie rody na Cne [Tatar princely clans in Tsna] // Sbornik materialov 6-j ezhegodnoj vsrossijskoj naučno-praktičeskoj konferencii «Faizhanovskie čtenija». — N. Novgorod, 2010.

[Moiseev M.V. Kasimov, «Meshherskie mesta» v rusško-nogajskih otnošenijah](#) ["Meshherskie mesta " in Russian-Nogai relations] // Tret'i Jahontovskie čtenija. — Rjazan', 2005.

[Moiseev M.V. Vzaimootnošenija Rossii s Nogajskoj Ordoj v gody regenstva Eleny Glinskoj i bojarskogo pravlenija \(1534-1541 gg.\)](#) [Russia's relations with the Nogai Horde in the years of the Regency of Elena Glinskaya and the knights of the Board 1534-1541] // Srednevekovye tjurkotatarskie gosudarstva. — 2015. — № 7.

Beljakov A.V. Kasimovskie tatary – stanichniki, tolmachi i perevodchiki Posol'skogo prikaza XVII v. [Kasimov Tatars, Cossacks, interpreters and translators Embassy of the order XVII] // Materialy i issledovanija po rjazanskomu kraevedeniju. — Rjazan', 2001. — T. 2.

Internet link:

http://www.milhist.info/2019/06/28/akchyrin_belyakov

Reference:

Akchurin M.M., Belyakov A.V. Meshchera and the Crimea at the end of the fifteenth–sixteenth centuries [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2019. — Special edition IX. Foreigners in the Russian military service in the XV-XIX centuries. — Vol. II. — P. 156-181 <http://www.milhist.info/2019/06/28/akchyrin_belyakov> (28.06.2019).

М.М. Акчурин, А.В. Беляков

МЕЩЕРА

И

КРЫМ

В КОНЦЕ XV-XVI В.

Проблема ранних контактов региона Мещеры и Крыма (Крымского ханства) — один из наиболее «темных» моментов отечественной истории. Связано это, в первую очередь, со скудной базой архивных источников. В нашем распоряжении имеются только русско-крымские и русско-турецкие посольские книги¹, а также отдельные документы по истории Мещеры, прежде всего, по ее восточной части — Кадомскому, Темниковскому и, отчасти Шацкому уездам, впрочем, значение этих источников, скорее, второстепенное. Самые ранние дошедшие до наших дней крымские книги Посольского приказа содержат документы начиная с 1474 г. Однако за некоторые периоды документы не сохранились, например, отсутствуют книги за 1505–1508, 1510–1515, 1519–1523 гг.² Причем в сообщениях до 1505 г., под Мещерой, скорее всего, понималось только «Касимовское царство», а уже после 1508 г. мордовские земли также стали считаться частью Мещеры.

Посольские книги — это сборники дипломатических документов конца XV — начала XVIII в., сгруппированные по тематическому принципу. При этом главными критериями является географическое расположение (конкретное государство) и отнесение материалов к конкретному посольству, хотя в одной книге могут находиться документы по нескольким посольствам. Книги создавались на основе сокращенных вариантов статейных списков послов и посланников — официальных отчетах посольств — и являлись главным справочным материалом для дальнейших дипломатических контактов по конкретному направлению. Как правило, сведения, содержащиеся в этой группе источников, касаются не только двух государств, но и многих сопредельных территорий. Так, русско-крымские посольские книги содержат массу сведений по истории

Астраханского и Казанского ханств, Ногайской Орды, народов Северного Кавказа и Поволжья, Турции, Польши и Литвы.

Планомерного изучения крымских посольских книг на предмет крымско-мещерских контактов не проводилось, хотя исследователи и обратили внимание на сообщения о контактах Крыма и Мещеры исследуемого периода. В первую очередь, было отмечено, что с прибытием в Касимов крымских Чингисидов в Касимове обнаруживаются выезжие из Крыма представители татарской клановой знати³. При сопоставлении сообщения хана Менгли-Гирея о причастности крымских ширинов к нападениям на Мещеру в 1515–1516 гг. с легендой из родословной князей Мещерских о завоевании Мещеры в 1298 г. ширинским князем Бахметом Усейновым, исследователями было высказано предположение, что крымские ширины могли считать Мещеру своими владениями⁴.

Ниже нами предпринята попытка подробнее рассмотреть отдельные аспекты этой проблемы.

Когда именно начались первые контакты Мещеры с Крымом, мы можем только догадываться. Так, возможно, отдельные представители татарской знати попали в области улуса Мукши из Крыма в результате «*великой замятни*» в Золотой Орде второй половины XIV в., когда в результате пресечения всех наследников из рода Бату к власти пришли Чингисиды из восточной части улуса Джучи. Они опирались на свои Кокордынские эли, поэтому старой знати Батуидов и их людям, потерявшим свои прежние юрты, приходилось искать новые места для проживания. Ими могли стать только окраинные территории, по тем или иным причинам не приглянувшиеся пришельцам. О том, что население улуса Мукши поддерживало Мамаю, главного сторонника династии Батуидов, также можно судить из летописных сообщений, согласно которым в состав его войск входили буртасы⁵. Но, повторимся, в данном случае мы только строим умозрительные предположения. В настоящий момент можно однозначно утверждать, что на рубеже XV–XVI в. в разных областях Мещеры, Касимове и в западной части мордовских земель под эгидой Москвы проживали служилые татары. По документам середины XVI в. татары, располагавшиеся в Кадоме и Темникове, по реке Цне и в междуречье Теши и Мокши (западная часть будущего Арзамасского уезда), представляли собой служилые корпорации, независимые по отношению к иным знатым татарским выходцам, в первую очередь Чингисидам⁶.

«Из Мещеры люди шли к нам служить, а от нас в Мещеру»⁷

Первые документальные свидетельства о непосредственных контактах Мещеры и Крыма относятся к последней четверти XV в. В 1479 г. в результате борьбы за власть, развернувшейся между сыновьями Хаджи-Гирея, в Москву выехали из Литвы сразу два свергнутых крымских царя — Нур-Даулет (Нурдовлат) (? — 1503 г.) и Хайдар (? — после 1486 г.), а также сын Нур-Даулета Бир-Даулет (? — 1480 г.). Скорее всего, тогда же выехали (а не родились уже в России) другие дети Нур-Даулета — Сатылган и Джанай. Также в источниках единожды упоминается дочь Нур-Даулета, к которой в 1508 г. безуспешно сватался некий ногайский мирза Абу-л-Хайр б. Мухаммед-Али⁸. Русская сторона оставила эту просьбу без внимания. Бир-Даулет в 1480 г. убил некий татарин. Хайдара сослали в Вологду, скорее всего, из-за попытки вести самостоятельную внешнеполитическую игру или за попытку самовольного отъезда⁹.

О первых годах жизни Нур-Даулета нам ничего не известно. Между 1479 и 1484 г. он, по-видимому, проживал в Кашире, а между 1484 и 1486 г. появился в Касимове. Источники по-прежнему очень скупы к беглому хану. Мы даже не знаем, когда он умер. Существует несколько дат, все они лежат между 1491 и 1503 гг. Впоследствии касимовскими «правителями» мы видим двух его сыновей — Сатылгана (ок. 1493 — ок. 1506 гг.) и Джаная (ок. 1506 — ок. 1512 гг.).

С Гиреями в Мещеру попадали члены их дворов. Здесь были родственники жен Гиреев, поддерживавшие их представители тех или иных крымских родов, огланы (Чингисиды происходившие из тех ветвей рода, что не могли претендовать на ханский титул в государствах-наследниках Золотой Орды, где семейный принцип передачи власти возобладал над родовым¹⁰) и рядовые казаки, составлявшие основу их военных отрядов. У нас имеется возможность установить их правовой статус. Интересную информацию дает шертная грамота казанского царя Абд ал-Латифа б. Ибрагима от 29 декабря 1508 г. По ней, Чингисид мог пополнять свой двор только за счет нововъездных татар. Переманивать людей от других служилых царей и царевичей, а также от московского князя запрещалось. Василий III, в свою очередь, также не мог брать к себе на службу людей царя. Право отъезда к московскому князю сохранялось только

за представителями четырех княжеских фамилий (правильнее сказать, представителей племенной знати четырех «правлящих» крымских элей: ширин, барын, аргын и кипчак)¹¹. Судя по всему, знать сохраняла некоторое время право отъезда из России. Отъезд того или иного оглана, князя или мирзы зависел первоначально от его царя или царевича. Чингисид обладал и правом суда над своим двором. Тут следует помнить еще один важный факт. Дело в том, что долгое время такое понятие как «граница» в его нынешнем понимании отсутствовало. В особенности это касалось восточного направления. Поэтому относительно свободное передвижение и даже переселение служилых мещерских татар по сопредельным территориям было вполне возможным. Путешествия могли совершаться в нескольких целях: торговля, посещение родственников, поиски брачных партнеров. Прямых документальных свидетельств подобных передвижений мы не имеем, однако полностью их исключать не можем. По крайней мере, в нашем распоряжении имеются свидетельства о бытовании рассматриваемый период в Мещере (г. Касимове) крымских рукописей¹².

Более всего нам известно о передвижениях огланов. В конце XV — первой половине XVI в. они довольно свободно передвигались между Астраханью, Крымом, Казанью и Москвой. При этом в России они, в основном, проживали именно в Мещере¹³.

Следующая проблема, возникающая с присутствием в Мещере крымских выходцев, — это возможность установить крымские корни у ныне проживающих в регионе татар. Мы можем однозначно говорить о крымских корнях только у касимовских сеитов Шакуловых¹⁴ и у князей (*мурз*) Чанышевых¹⁵.

Первое появление Гиреев в Мещере позволило им заявлять позднее, что это их юрт. Москва по-разному относилась к подобным заявлениям. Все зависело от конкретной политической ситуации, но при этом она не прочь была заполучить очередного служилого царевича. Известны многочисленные несостоявшиеся их выезды. В 1480 г. убежище в Москве предлагалось Менгли-Гирею I б. Хаджи-Гирею¹⁶. В 1490 г. крымский хан Менгли-Гирей I сообщил Ивану III, что из Турции бежали его брат Издемир (Уздемир) и племянник Девлеш. Хан предпочел бы, чтобы они оказались в Москве, нежели у «*извечного врага*» в Большой Орде. Царевичи, однако, решили остаться в Литве¹⁷. В посольских книгах

имеется упоминание о том, что Девлеша поляки перехватили, таким образом, этот шаг не был по-настоящему добровольным¹⁸. В 1518/19 г. в Москву безуспешно зазывали двух крымских царевичей — Юсуфа и Геммета, детей Ахмеда б. Менгли-Гирея. При этом Геммету обещали дать Мещеру (Елатьму) или Каширу, или «где пригоже будет»¹⁹. В 1521 г. опасная грамота посыалась Саадет-Гирею б. Менгли-Гирею²⁰. В 1532 г. царевич Ислам-Гирей б. Мухаммад-Гирей просился в служилые царевичи к Василию III, но выезд не состоялся. В Крыму на смену хану Саадет-Гирею б. Менгли-Гирею пришел Ислам-Гирей б. Менгли-Гирей. Вскоре его сменил Сахиб-Гирей б. Менгли-Гирей I, бывший казанский хан. Он назначил Ислам-Гирея калгой (должность наследника в Крымском ханстве)²¹. В 1567 г. Иван IV предлагал крымскому хану Даулет-Гирею I б. Мубарек-Гирею женить сына или внука на родственнице касимовского царя Шах-Али Маги-салтан и взять «в приданое» Касимов²². Но выезд так и не состоялся.

Поход против Большой Орды под командованием касимовского царевича Сатылгана в 1491 г.

Мещерские татары оказались вовлечены в круговорот сложных геополитических событий, протекавших в конце XV — начале XVI вв. В 1474 г. великий московский князь Иван III и крымский хан Менгли-Гирей заключили между собой договор о взаимопомощи против общих врагов — Литовского княжества и Большой Орды.

Именно касимовскому царевичу Сатылгану пришлось принять непосредственное участие в ходе военной кампании 1491 г., организованной Москвой и Крымом против Большой Орды. Последняя традиционно уходила на свои кочевья между Днепром и Доном. Часто большеордынские отряды во время таких кочевий совершали разорительные набеги на Крым или русские города. План Ивана III и Менгли-Гирея предполагал одновременную атаку со стороны Крыма и Москвы по незащищенному тылу в момент выхода основных сил Большой Орды. Отец царевича, Нур-Даулет хан, и ранее совершал походы против Большой Орды, но в последние годы по каким-то причинам не принимал в них участия.

Ещё в 1490 г. была попытка реализовать совместный военный план. Весной Сатылган, возглавив «уланов и князей и Русь», вышел в степь «в Орду», где должен был находиться до зимы и ждать сигнала от Менг-

ли-Гирея, для дальнейших совместных действий. Тогда же планировалось привлечь казанского хана Мухаммед-Амина, но он не мог послать свои войска *«под Орду»*, т.к. *«...близко были его недрузи Ногаи»*. Силы Большой Орды вторглись в Крым, нарушив ранний мирный договор. Вот как об этом рассказал Менгли-Гирей: *«Сидяхмет, Шиг-Ахмат и Азика в головах, в сколко есь Намаганова юрта приход, дома наши потоптали, слава Богу самих нас Бог помиловал; о Крыме став бившиися недруг не начевав пошол прочь из моих улусов, Барынские улусы повоевав, воротился. Сю зиму недруг у Днепра на устье в крeпи зимовал»*. Но Сатылган ушел *«из-под Орды с поля»* без разрешения Ивана III, не дождавшись сигнала из Крыма. Великий князь его оправдывал, что тот *«учинил молодую мыслью»*. Крымские гонцы явились с просьбой к московскому князю послать Сатылгана ещё раз, но настала зима, *«ино уж под Орду нельзе итти»* и поход в степь отложили до весны. Все же пребывание в степи не прошло впустую, Иван III сообщил Менгли-Гирею, что войска, которые были с Сатылганом, под Ордой, *«улусы и головы имали и делали дело сколько могли»*²³.

Убедившись, что следующей весной 1491 г. Большая Орда ушла на кочевье в сторону Крыма, 3 июня Сатылган выдвинулся с полками в степь, а 8 июня вышло войско из Казани. Известны имена всех казанских князей-воевод: *«И царь Махмет-Аминь писал ко мне в своей грамоте, что рать свою на поле послал, да и брат твой Иван писал ко мне, а отпустил своих воевод, Абаш улана да Алъякши князя, да Бедыря князя Алтышова сына, да Усеин Кенегеся князя, да Иделека князя, да Каныметя князя Итакова брата, да Имирь мурзу Садырева брата, да Уразлы князя, да Шагалака князя, да Акчюру князя Аязова сына, да Кишкылдея князя, да Бурнака князя, да с ними послал двор свой»*. Никоновская летопись сообщила, что казанское войско возглавили Абаш улан и Бураш сеит. Русские воеводы: *«Отпустил с русской ратью князя Петра Микитича да князя Ивана Михайловичя Репню-Оболенских; а людей есми послал с ними не мало; да и братни воеводы пошли с моими воеводами и сестричичев моих резанских обеих воеводы пошли»*²⁴.

Царевич Сатылган выслал вперед отряд князя Тонкача²⁵ *«с таттары и русью»*, но внезапно на них напал Мусека мурза, сын мынгытского (золотоордынского) бека Азика (Хаджи-Ахмед) б. Дин-Суфи, *«да Тонкача разгонял»*. При этом отряд Тонкача понес потери, *«иных людей*

*перебили, а иных переимали»*²⁶. Сатылгану с полками пришлось отойти, он дождался прибытия казанских подкреплений и продолжил движение в Орду. Войска царевича даже столкнулись с большеордынским ханом Абд-ал-Керимом: *«Вести, государь, у царя были таковы, что Обдыл-Керим царь пошел был к Азторохани, да наехал деи был, государь, на твоего царевича и на твою рать. И они деи его, государь, розгоняли, а что с ним было а то поимали, а его самого застрелили, и прибежал деи, государь, в Орду ранен, да поймавши царицы, да опять пошел в Хазторокань»*²⁷.

Кампания в итоге сложилась не очень удачно. Менгли-Гирей, не получив ожидаемой помощи от османского султана, так и не решился отправить свои войска. К тому же, как докладывал русский посол Ромодановский, у Менгли-Гирея возник внутренний конфликт с Ширинами: *«С ширины, государь, царь живет негладко»*²⁸.

И Сатылгану недолго было суждено оставаться в степи — на коней пришло *«божье посещение»* и кони *«учали теряться»*. Царевич повернул домой *«с Поле»*, но оставил и уланов, и князей, и казаков, и *«русь»* там, где они были летом *«под Ордой... улусы у них имали и людей и кони отганиволи»*²⁹.

В стане войск Большой Орды также наступил разлад. Муртаза вернулся в Орду. Затем началась *«...промежи царей и Мангытов рознь»*, мангыты с князем Азике *«пошли по Днепру вверх»*, а *«царевы улусы Шиг-Ахметевы борзо на пашню пришли»*³⁰. Вскоре *«цари»* вернулись в свои пределы. Этим и закончились основные события 1491 г.

Конечно, 1491 г. не принес особых изменений в расстановке сил. Стороны постарались избежать прямого военного столкновения. Эта кампания имела, скорее, политическое значение. В следующие годы Иван III и Менгли-Гирей постоянно договаривались о возможной посылке Сатылгана в Орду во главе объединенных войск и казанских татар. Отметим, что, несмотря на союзнический договор между Иваном III и Менгли-Гиреем, мещерские татары на степных просторах считали крымцев своими конкурентами, и это неизбежно приводило к столкновениям.

Во время проведения кампании произошел один любопытный эпизод. Осенью 1491 г. отряд касимовских татар, *«царевы люди Нурдоулатовы»*, был в степи *«под Ордою»* и взял языка. Сохранились некоторые имена татар: *«Имень Ази, да Ботукечь, да Ази Хидырь, да Хидырь Алей, да Кучмень Байсалтанов сын с товарищи»*. Под Мертвым Донцом

на них неожиданно напал союзнический отряд крымских татар, среди которых были «...*Сатылган Карачев сын Ширинов, да Сарыкин сын Барынов, да Абелек Атарчев сын Барашов, Ширинов слуга, да Сююндюк. Багатырь Мамышов, Зизиудов слуга, с товарищи*», они отняли языка, «а их самих пограбили, а взяли у них 15 коней». Иван III справедливо возмутился на Менгли-Гирея: «*Мы своих людей посылаем под Орду его же для дела; и где было его людем, съехався с нашими людами, да заодин нашо дело делати, и его люди гораздо ли так чинят над нашими людами?*» и потребовал вернуть награбленное. Вообще-то этот крымский отряд численностью 150 чел. вполне успешно действовал в ордынских пределах. Так, весной 1492 г. крымцы «у Орды стадо угоняли», но за ними из Большой Орды снарядили погоню, которую возглавил «*Едигей царевич Ахматов сын с братом, да Салтаган*». Однако крымские татары вступили в бой и «*погоню побили*», «*царевичю Едигею голову срезав*», привезли ее Менгли-Гирею³¹.

Стоит отметить, что касимовские татары («*мещерские казаки*») в долгу не остались. Посланные в конце 1492 г. великим князем Иваном III «в улусы языка добывати», они встретились с крымскими людьми царевича Мамишека. Крымцы, со слов их хана, приехали якобы для совместных действий против Большой Орды. И когда Магмет-Алей, «*мамич*» царевича Мамишека, приблизился, касимовец Асан-Шеиков сын Шигаи «*стрелю его застрелил и убил его, а иных пограбил*». Тут пришла очередь возмущаться Менгли-Гирею: он потребовал у «*головы*» тех мещерских казаков, улана Курчбулата, вернуть в Крым все отнятое, в том числе «*пансырь, шолом, да тегилляй, да саблю*», которые Менгли-Гирей лично выдал Мамишеку. И что интересно, при этом Менгли-Гирей не забыл возместить ущерб «*Нурдувлатовым царевым слугам*» Ази Хидыру и Кусменю, и из 100 угнанных лошадей 15 компенсировал за прошлый грабеж³².

Следует несколько подробнее остановиться на личности царевича. Имеется упоминание о пребывании в России некоего царевича Мамишека (Мамишека), сына царя Мустафы и брата царевича Мухаммеда (Мамеда), жившего в Крыму. Менгли-Гирей I предлагал Ивану III обмен царевичами с испомещением нововыхавшего в Кашире, где некогда сидел Нур-Даулет³³. Вряд ли данного царевича можно отнести к Гиреям. Скорее всего, это один из астраханских (правильнее сказать,

большеордынских) царевичей, обосновавшихся в Крыму после падения Большой Орды. Упоминания о нем в России встречаются с 1489 по 1492 гг.³⁴ Впоследствии он был отпущен в Крым. Это позволяет нам говорить об отсутствии тотальной вражды между Гиреями и Темиркутлевыми царевыми детьми. На первое место выходит борьба за гегемонию на постордынском пространстве.

Набеги ширинского мурзы Айдешке и царевича Богатыря в 1515–1516 гг.

Разгром Большой Орды Менгли-Гиреем в 1502 г. привел к постепенному изменению внешнеполитического курса московского правительства, что сказалось на взаимоотношениях Российского государства и Крымского ханства и, как следствие, отразилось на Мещере. Около 1512 г. в Касимове сменилась крымская династия, новым правителем стал Шейх-Аулиар б. Бахтиар, племянник хана Большой Орды Ахмата.

Зимой 1514–1515 гг. во время набега азовские казаки захватили в плен рязанских бортников и рыболовов, а также мордву, которая платила ясак цненскому князю Темирю Якшенину, известному нам тем, что в 1508 г. он был отправлен послом в Ногайскую Орду с важной миссией привлечения князя Асана и других ногайских мурз к походу против великого князя литовского³⁵. Были ли причастны к организации этого набега крымские татары — нам точно неизвестно. Но, видимо, по такому, уже проверенному маршруту в сентябре 1515 г. совершил повторный набег крымско-азовский отряд во главе с ширинскими мурзами Айдешке и Айги. Появление отряда оказалось большой неожиданностью. Поверив сообщению крымского хана Менгли-Гирея о том, что крымское войско во главе с Мухаммед-Гиреем не достигло Ногайской Орды и повернуло обратно (*«И мы ныне пошли в Крым со всеми людьми»*), Василий III приказал *«...с своих украин и з застав людем велели есмя ехати к себе, а иных есмя людей велели распустити по домом»*³⁶. Воспользовавшись отсутствием пограничных застав, отряд Айдешке отделился от основного крымского войска и беспрепятственно вторгся в *«Мордовские украинь»*. Видимо, тогда был разрушен Андреев городок³⁷. В плен было уведено множество людей, в том числе и знатных: *«Опричь худых людей шестьдесят добрых голов»*³⁸, среди которых оказалась семья цненского татарского князя Темиря Якшенина.

Пасынок князя Темира по имени Алыш из Азова просил великого князя Василия III заняться их освобождением и сообщил о новом готовящемся набеге: *«Прислал к великому князю слуга его князь Василей Иванович³⁹ грамоту, а к нему прислал грамоту мордовской князь Темир Алышов пасынок⁴⁰. А писана грамота к великому князю, что которые мурзы были на мордовских украйнах Аидышка с товарищи, и к тем прибывают люди многие из Крыму, а хотят итти на великого князя украины... Да писал к великому князю из Азова мордовский татарин Темирев пасынок Алыш, что в Азове украинских татар Темирева жена Акшенина с двема сыны, да Тювеева жена с дочерью, и Ивану о тех говорити, чтобы велели доискатися, да послал к великому князю»⁴¹.*

Двое из схваченных татар смогли вернуться в декабре 1515 г.: *«Лета 7024, декабря 14 день, вышли из Азова татарове мордовские Темиревы Якшенина Карачюра Осанов да Барам Шеик Биреев да москвитин Васюк Петрушин сын Сермяжникова, а прислал с ними Бурган азовской к великому князю грамоту...»⁴². Эти татары передали сообщение, что азовские казаки вновь вышли *«...на Украину под Мордву на те же места, которые места имали сего лета»⁴³.**

Василий III обвинил в организации набега мурзы Айдешке главу крымского ширинского клана князя Агиша, но тот открестился от своих родственников⁴⁴. Тем не менее, свое недовольство появлением в Касимове враждебной астраханской династии Чингисидов высказал московскому князю другой ширинский мурза — Бахтияр⁴⁵. Отдельные касимовские князья сами не желали признавать новую династию, крымский хан сообщал: *«А князи городецкие и мне приказывали, и не одинова, чтоб наш род им был государь»⁴⁶.*

В ходе переговоров были составлены списки *«мещерского полону»* для возвращения из Крыма⁴⁷. Один из московских сторонников в Крыму, царевич Ахмат, отчитался, что освободил *«в Азове Адышкина полону русаки и бесерменья»*, которые были в руках его людей⁴⁸.

В апреле 1516 г. Мухаммед-Гирей попросил освободить крымского татарина Ашманова сына Курбан-Алия, который удерживался у мещерских людей в Бастанове, возможно, он также был участником набега, поскольку сказано, что попался *«из Ногаи идучи»⁴⁹*, что можно трактовать как при возвращении *«из Нагаи»* войск Мухаммед-Гирея в сентябре 1515 г. перед набегом на Мещеру.

В Москву стали поступать предупредительные сообщения из Азова о подготовке нового крупного похода на «*Ондреева городища, да на Бастаново*»⁵⁰. С этой целью крымские татары пытались купить одного мордвина в Кафе, отец которого был сотником у князя Темира, чтобы он показал дорогу на Цну: «*Слышали у крымских татар, Бисубом зовут, азовской казак был с Адышкойю на Мещерской украине, да хотят в Кафе, хоти дорого, окупити мордвина Пиркина сына Темирева сотника, чтобы их вел на Цну, которые места не воеваны, и только деи он нас изводит, и мы его пустим*»⁵¹.

В итоге второй набег состоялся в июне 1516 г. и происходил он по похожему сценарию, как и предыдущий. Царевич Богатырь б. Мухаммед-Гирей во главе крупного войска направился в сторону Ногайской Орды, но, не достигнув ее, развернулся и напал на «*...украины на резанскую и на мещерскую*». Истинные причины этого нападения дипломатическая переписка до конца не раскрывает. Сначала его родители, крымский царь с царицей, пытались объяснить, что сами царевича в набег на «*украины*» не посылали, а Богатыря по молодости уговорили совершить набег некоторые «*лихие*» люди⁵². Выясняется, что поход финансировал польский король⁵³. Кто это были за «*лихие*» люди, мы узнаем из другого сообщения 1517 г. хана Мухаммед-Гирея о том, что прошлым летом «*Ширины опричь меня здумали, что им вперед Мещера воевати за то, что нынеча на Мещере наш недруг*»⁵⁴.

Однако позднее появились новые подробности. К переправе через Волгу крымское войско не пустили мещерские казаки, которые были на берегу и на судах. Царевич вперед себя к Волге отправил Агай-мурзу и Сююндюк-мурзу, племянника Мухаммед-Гирея, но Сююндюк был схвачен казаками. Богатырь, предположив, что Василий III вместо оказания помощи, намеренно преградил им путь в Ногайскую Орду, решил отомстить и совершил набег. Уже в октябре 1517 г. Богатырь несколько иначе объяснял причины набега, как обиду за то, что московский великий князь не отвечал на многократные послания его отца, хана Мухаммед-Гирея. Тем не менее, можно констатировать, что одними из инициаторов набегов являлись ширинские мурзы. И содержание сообщений информаторов, и попытки поиска мордовского проводника со стороны крымских татар наводят нас на мысль, что набеги 1515 и 1516 гг. являлись заранее спланированными. Донесения также зафиксировали, что перед обоими

походами совершали небольшие рейды на «*Мордовские украины*» азовские казаки в т.ч., видимо, и с разведывательными целями, поскольку азовские казаки потом привлекались уже для основных набегов.

Отметим, что в том же 1515 г. перед первым набегом на «*Мещерские украины*» Менгли-Гирей отправил своего сына Мухаммед-Гирея на южно-русские города, которые ранее были включены в состав Московского государства. И поводом для набегов стали претензии крымского хана на 8 русских городов: Брянск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль, Карачев, Радогощ, которые якобы принадлежали Крыму, и Одоев. Причем, по словам Менгли-Гирея, эти города входили в число 35 городов, которые «*из старины деда нашего были*» (по мнению А. Л. Хорошкевич Менгли-Гирей имел в виду Тохтамыш⁵⁵). И эти претензии с точки зрения крымских ханов были законны, поэтому Василию III указывалось: «*В дефтери посмотрив уведаешь*»⁵⁶. Видимо, основным символом подданства и принадлежности для постордынских правителей был факт посылки своих сборщиков ясака⁵⁷.

Претензии крымского хана связаны в первую очередь с тем, что московский великий князь перестал пускать крымских даруг в бывшие литовские города, как это было ещё при его отце Иване III: «*Отец твой и князь великий Иван как учинили в дружбе и в братстве, на всякой год дараги наши князи наши взимки взяв, к нам привозят с них*»⁵⁸. Поэтому набеги являлись своеобразной компенсацией за неполученные доходы.

Имея в виду эти обстоятельства, выскажем по отношению к Мещере такое предположение: возможно, с появлением астраханской династии в Касимове ширинские мурзы в Крыму потеряли возможность получать определенные доходы — ясаки с Мещеры или с каких-то ее областей. Именно это стало поводом для набегов. Как бы то ни было, в проекте шертной грамоты 1564 г. между Девлет-Гиреем и Иваном IV Мещера попала в перечень тех самых «*украинных*» городов, которые хан должен был обязаться «*не воевати*»: Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Радогощ, Стародуб, Чернигов, Почеп, Трубчевск, Карачев, Брянск, Козельск, Нугри, Белев, Одоев, Мценск, Тула, Деделов, «*Рязанские украины*»: Михайлов, Пронск, Ряжск и «*Мещерские украины все*»⁵⁹.

Менгли-Гирей после гибели хана Ахмата в 1480 г. и взятия Сарая в 1502 г. считал себя правопреемником Большой Орды. В сообщении 1506 г. Александру Ягеллону он упоминается «*...со всеми людьми обеих тых орд,*

Заволское и Перекопское, которые ж подданы ему»⁶⁰. На этом основании Менгли-Гирей вновь поднимал вопросы об отправке своих даруг для сбора ясака, в письмах с князьями Великого княжества Литовского и Великого Московского княжества ссылался на ярлыки прошлых ханов: Токтамыша, Улу-Мухаммада и даже враждебного его предкам Сеид-Ахмеда⁶¹.

Нельзя не учитывать и тот факт, что плотность населения юга рассматриваемого нами региона была более чем незначительной. В ряде случаев постоянное население отсутствовало полностью. Хотя определенная хозяйственная деятельность (бортничество, рыбная ловля, охота, пашня наездом, возможно, скотоводство), скорее всего, велась. При этом в нее могли быть вовлечены как мордва и мещерские татары, так и отдельные русские и крымцы.

Теоретически мы можем допустить, что в какой-то момент крымские ханы решили, будто теперь полностью правомочны собирать дань с мордовских областей. По крайней мере, других фактов, противоречащих этому предположению, у нас нет. Несмотря на большую удаленность, во время традиционных кочевок «за Перекоп» крымские татары достигали пограничных русских областей⁶², не исключено, что во время таких ежегодных кочевок отдельные отряды с даругами могли достигать и мордовских областей. Кстати, этим пользовались астраханцы — во время таких кочевок они успевали совершить набег в Крым и вернуться к себе: *«А недрузи наши хастарахаицы того и глядят, а говорят: ведаем мы крымцы ходят на Русь, а ходу их вперед и назад три месяцы, а мы в те три месяцы что учинив у себя будем»*⁶³.

Выскажем ещё одно предположение. Возможно, ранее Большая Орда могла в период правления хана Ахмата собирать в свою пользу ясак с мордовских областей. По крайней мере, для соседнего Рязанского княжества в летописных сообщениях, относящихся к 1471 г., говорится о существовании в Большой Орде своего рязанского даруги — некоего князя Темира⁶⁴ (в те годы в Большой Орде был известен глава мангытского улуса Тимур бек⁶⁵). Данная гипотеза вызывает ряд других вопросов, правда, уже выходящих за рамки данного исследования:

Могли ли казанские ханы присылать своих даруг для сбора ясака? Уже в 1490 г. при казанском хане Мухаммед-Амине московских князь сам посылал своих людей для сбора пошлин в правобережную казанскую область — Горную Сторону⁶⁶.

Другой вопрос: в какой момент ясак с мордовских областей стал собираться в пользу Москвы? Очень вероятно, уже после гибели хана Ахмата в 1480 г. Согласно договорным грамотам между московскими и рязанскими великими князьями, в 1483 г. впервые зафиксировано, что какая-то часть мордовского ясака шла царевичу Данияру, а в отношении *«татарских и мордовских мест»* уже не дается оговорка, как предыдущих грамотах (1401, 1434, 1447 гг.), *«а ци переменит бог татар, и та места мне»*⁶⁷. И в 1496 г. в своих договорных грамотах рязанские князья между собой уже делили все доходы с мордвы *«во Цне»*.

Андреев городок

Обращают на себя внимание некоторые факты упоминания этого городка. В первом набеге в 1515 г. на Мещерские укреины ширинский мурза Айдешке разрушил Андреев городок. Андреев городок был обозначен целью и во время подготовки второго похода в 1516 г., где уже значился городищем. Как ни странно, но именно Андреев городок указывался в донесениях в качестве основной цели крупного разорительного в масштабах всей страны похода 1521 г.⁶⁸, когда Мухаммед-Гирей дошел до стен Москвы. Может, в этом случае о городке говорили только как о законном поводе для оправдания вторжения в Московское государство, обусловленного некими притязаниями на Андреев городок или, более вероятно, на определенные доходы с городка или окрестных областей. Хотя в письме турецкому султану Мухаммед-Гирей в качестве причин похода было указано желание наказать Василия III за стремление свергнуть Сахиб-Гирея с Казанского престола⁶⁹. О том, что войска Мухаммед-Гирея достигли Мещеры, ничего не сказано. Однако до Мещеры в то же время дошел союзник Мухаммед-Гирея казанский хан Сахиб-Гирей: *«Того же лета казанский царь Саип-Гирей и со всеми казаньскими людьми приходил на Муромские места и на Мещерские»*⁷⁰.

Мы знаем, что в 1508 г. Андреев Городок Каменный на реке Цне⁷¹ (ныне с. Темгенево Сасовского района Рязанской области) значился за касимовским царевичем Джанаем, сыном Нурдавлета.

Мы можем довольно точно установить дату пожалования — не ранее 1503 г. Именно тогда земли будущего Шацкого уезда по завещанию удельного рязанского князя Федора Васильевича Третнова перешли Москве⁷². Андреев городок⁷³, по-видимому, являлся административным

Земляные укрепления Андреевского городна у левого берега р. Цна.

Темгеневское городище около села Темгенево Сасовского района Рязанской обл.

центром как для русского, так и для всего нерусского населения (мордвы и татар) в окрестностях Цны, как это было с городами Касимовым, Кадомом и Темниковым на соседних территориях. Примечательно, что название с. Темгенево, расположенного рядом с городищем, скорее всего, связано с именем касимовского князя Темгена, который по происхождению также был крымским выходцем⁷⁴ из рода Аргын⁷⁵. Его потомок Чаныш-бек Аргын (родоначальник татар Чанышевых⁷⁶) упоминается в сочинении Кадырали-бека в описании церемонии воцарения Ураз-Мухаммеда в Касимове в 1600 г. среди его четырех карачибек⁷⁷. Кстати, потомок, возможно, того самого Темгена, князь Кулак (по другой версии Калач⁷⁸), упоминается в 1557 г. среди воевод г. Шацка⁷⁹ — нового административного центра в тех же областях по реке Цне, пришедшем на смену Андрееву городку. На основании этого мы вправе предположить, что на начальном этапе в Андрееве городке, а затем еще какой-то период в Шацке, как и в Темникове главы татарских служилых корпораций делили власть с московскими воеводами, но, в отличие от последних, назначались пожизненно⁸⁰.

Набег мангытского князя Баки в 1533 г.

Осенью 1533 г. был совершен еще один неожиданный набег с участием крымцев на *«Мещерские уkraine»*. Москва в набеге обвинила ногайцев⁸¹, которые приходили для торговли с товаром во главе с князем⁸² Сары (из рода Кытай⁸³, посол и карачи Саид-Ахмеда — бия Ногайской Орды). Но, как объяснял Саид-Ахмед, ответственным за нападение был вышедший вслед за послом глава эля крымских мангытов⁸⁴ князь Баки (б. Асан б. Темир⁸⁵), которого Саид-Ахмед якобы прогнал в Крым⁸⁶. Нападавшие осадили один из городов: *«И под Городом стояли, посады жгли и села воевали, и людей до смерти били, и иных головами с собою повсели, и животы их пограбили»*⁸⁷. Что это был за город — неизвестно, его название в сообщениях не указано. М. В. Моисеев предположил, что это был Касимов⁸⁸, но мы не станем так однозначно утверждать. В записанном разговоре дьяка Федора Карпова и посла князя Кудояра (карачи ногайского бия Саид-Ахмеда), а также в других посланиях, говоря о Касимове, как правило, использовали слово *«Городок»*, а вот когда они обсуждали данное происшествие, то всегда употребляли *«Город»*. Город, видимо, взять не удалось, но вот посады были сожжены, т.е. фактически горожан лишили их жилищ. Среди возможных городов Мещеры, которые могли существовать в этот период, были Старый Темников и Старый Кадом. Не исключено, что какой-то именно из этих городов мог подвергнуться атаке, согласно летописным сообщениям, оба города в период 1535–1536 гг. были построены заново. При этом Темников перенесли на правый лесной берег реки Мокши. Данный факт следует рассматривать как явное обострение ситуации в пограничном регионе после относительного спокойствия.

В одном из сообщений ногайских послов передается просьба некоего Ураз-Бердия об освобождении его сына Ишень-Бердия, удерживаемого в Мещере во дворе князя Мунмышы⁸⁹. Оправдывая Ишень-Бердея, его отец указал: *«Не воевати ходил, торговати с Сарыем»*. Повторная просьба поступила с ногайским посольством, прибывшим в 1537 г., там уточняется: *«А ныне деи тот наш человек у Тиниша в селе, а зовут его Ишень Бердеем, а живет деи ныне у Мунмышы в дворе»*⁹⁰. Поскольку речь идет о Мещере, то под Тинишем, упомянутым в качестве владельца некоего села, мы можем подразумевать темниковского князя Тениша Кугушева.

Нам известно, что до 1539 г. князь Тениш Кугушев был правителем Темникова⁹¹. Тогда получается, что князь Тениш в эти годы жил в селе, а не в Темникове, причем в его селе жил и другой князь по имени Мунмыш⁹². Эти обстоятельства дают нам право предполагать, что более вероятным осажденным городом являлся Старый Темников. В связи с этим нападением М. В. Моисеев подметил такой факт: в ответных действиях («*лихо учинив*») против князя Баки и ногайцев участвовали не только люди великого князя, «...*азстороканцы были и казанцы, и городетъскои казак был туто же, да, лихо учинив, ко государю нашему не едет*»⁹³. Рискнем предположить, что астраханцы и казанцы находились в тот момент в Мещерских уездах, иначе как бы они успели согласованно с «*городецким казаком*» организовать, а затем пленить и ограбить⁹⁴ пришедших с послом Сары ногайцев. А вполне возможно, это были астраханские и казанские татары, недавно перешедшие на службу великого московского князя, испомещенные там же в Мещере⁹⁵.

На протяжении всего XVI и XVII вв. до постройки новых крепостей и засечной черты существовала постоянная угроза прихода крымских отрядов. В челобитной жителей города Темникова 1673 г. мы читаем такие строки: «*А как государь твоих великого государя новых городов по черте не было, и в то государь число воинским крымским людем был приход большой и на том месте*⁹⁶ *крымским людем истори было становища. А за засечными, государь, крепостьми в Темников город приходу воинским людем отнють не бывало*»⁹⁷.

«Крымские полоняники»

Сохранились сообщения о том, что многие мещерские татары оказывались в крымском плену. Помимо уже приведенных нами случаев в Разрядных книгах есть запись, что в 1557 г. удалось сбежать «*ис Перекопи*» бастановцу городецкому татарину Кочеулаю Сенгильдееву — крымскому «*полоненику*»⁹⁸.

Из грамоты 1580 г. Ишея мурзы мы узнаем, что его отца Богдана, родного брата кадомского князя Янгыча Бедишева, «...*взяли на поле крымские люди*»⁹⁹.

В 1643 г. ценский Алмакай мурза Тохтаров сын князь Енаев бил челом государю, чтобы донские казаки выкупили «*ис полону*» его брата Бибая мурзу князь Темирева, потомка того самого князя Темира Якшенина¹⁰⁰.

Бибай был ранен, схвачен в приход крымских, азовских и ногайских людей во время сражения под Тамбовом и томился в Азове¹⁰¹. Любопытно — чтобы не платить дорогой выкуп, как за знатного мурзу, Алмакай попросил казаков назвать Бибая *«худым обычным татаринном»*.

В 1607 г. произошла необычная история знакомства уже попавших в плен крымских послов Сеит-Казыя и Ахмета Калифа с будущим темниковским князем Ишеем Барашевым, внуком князя Акчуры Адашева. При возвращении в Крым в конце 1606 г. *«Казы-Гиреевых царевых гонцов»* схватили возле Волуек, а затем они были доставлены в Путивль к самозваному царевичу Петру. С собой последний их забрал в Тулу, где вместе с Иваном Болотниковым оказался окруженными правительственными войсками¹⁰². В то самое время в составе правительственных войск находился мурза Ишей Барашев, *«...служил и бился явственно, и его взяли в полон и, приведчи на Тулу, били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел»*. Обо всем об этом московскому царю Василию Шуйскому рассказали освобожденные крымские послы после взятия Тулы, которые, видимо, встретились и познакомились с Ишеем в тульском заточении. Оказавшись в Москве, 13 октября 1607 г. *«крымские послы Сейказы Аталык с товарищи»* подали от своего лица челобитную царю с ходатайством о пожаловании Ишея Барашева *«княженьем»*¹⁰³.

«И хотели степью отъехать в Азов»

Несмотря на иногда сложные периоды в политических отношениях между Крымским ханством и Российским государством, определенные контакты татар мецкерских уездов с Крымским ханством и Турцией существовали, что, понятно, не всегда нравилось российскому правительству. Об этом косвенно мы можем судить из указания мурзе Магмету Еникееву, потомку знаменитого князя Еникея Тенишева, которому в 1708 г. разрешили вернуться домой в Темниковский уезд к больной матери после ссылки в Архангельск: *«Без Великого Государя указа с Москвы в Турскую и в Крымскую сторону и никуда не отъехать»*¹⁰⁴.

В 1690 г. жителей д. Татарские Юнки подозревали в желании присоединиться к *«изменникам»* симбирским татарам: *«Что де симбирские татаровя в прошлом во 198 году в великим государям изменили и хотели степью отъехать в Азов»*¹⁰⁵.

Следует отметить, что это далеко не все известные контакты мещерских татар с Крымом. Дело в том, что служилые татары из Касимова, Кадома и Темникова как минимум с XVI в. регулярно привлекались для участия в дипломатических миссиях в мусульманские страны. Отсюда рекрутировались переводчики, толмачи и станичники Посольского приказа. Многие из них создавали целые династии¹⁰⁶. Они также становились агентами, через которых между двумя рассматриваемыми нами регионами происходили контакты.

Таким образом, мы показали, что генеалогические, культурные, военные, религиозные и иные контакты между Мещерой и Крымом имеют глубокую историю. Они оказывали непосредственное влияние на историю региона, в том числе и на крымские набеги на Мещеру. Рассмотрев версию о двойном подчинении части мещерских земель Москве и Крыму на рубеже XV–XVI вв., мы пришли к выводу, что в реальности это было сомнительно. Хотя в определенные моменты Гирей все же могли предъявлять определенные претензии на эти земли, вопрос, насколько они были обоснованы.

Ссылки

- ¹ Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО).— СПб., 1884.— Т. 41. Сб. РИО.— СПб., 1895.— Т. 95.
- ² Виноградов А. В. Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей русского государства и Крымского ханства 60–90-х годов XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства.— 2016.— № 8.— С. 84–91.
- ³ Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства: вторая половина XV века.— М., 1952.— С. 181; Рахимзянов Б. Р. Мещерский юрт как зона двойного влияния московского государства и крымского ханства // Крымское историческое обозрение.— Казань, Бахчисарай.— 2016.— № 1.— С. 81–91; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.— М., 2001.— С. 275–307.
- ⁴ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 107; Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования.— Казань, 2002.— С. 118.
- ⁵ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 4.— СПб, 1848.— С. 75.
- ⁶ Акчурина М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства.— 2014.— Т. 6.— С. 4–17; Беляков А. В. Енгальчева Г. А. Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства.— 2014.— № 6.— С. 62–71; Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/1614 г.— Казань, 2015.

- ⁷ Сб. РИО.— СПб., 1895.— Т. 95.— С. 378.
- ⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг.— Махачкала, 1995.— С. 71.
- ⁹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— СПб., 1863.— Ч. I.— С. 91–216.
- ¹⁰ Беляков А. В. Оганы (уланы) в России второй половине XV–XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.— 2014.— Т. 13.— Вып. 8: История.— С. 51–56.
- ¹¹ Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД).— М., 1819.— Т. II.— № 26.— С. 30–31; Там же.— М., 1894.— Т. V.— № 55.— С. 38.
- ¹² Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.— Казань, 1972.— С. 54–55.
- ¹³ Беляков А. В. Оганы (уланы)...— С. 51–56.
- ¹⁴ Беляков А. В., Енгальчева Г. А. Крымские выходцы в Касимове — сеиды Шакуловы и их архив // Средневековые тюрко-татарские государства.— 2015.— № 7.— С. 46–53.
- ¹⁵ Сабитов Ж. М., Акчурин М. М. Генеалогии (шежиры) и генетические данные по происхождению постордынской родоплеменной аристократии // Средневековые тюрко-татарские государства.— № 6.— С. 127–139.
- ¹⁶ СГГД.— М., 1894.— Т. V.— № 3.— С. 2.
- ¹⁷ Моисеев М. В. Выезды «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках: сб. материалов конф., 2002–2004 гг.— М., 2006.— С. 484; Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Кн. 1. Л. 100–100 об.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 1. Л. 115, 127.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 111–120; СГГД.— М., 1894.— Т. V.— № 88.— С. 82.
- ²⁰ СГГД.— М., 1894.— Т. V.— № 94.— С. 86; Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв., хранящихся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии.— Симферополь, 1890.— Т. IX.— С. 1–47; Сб. РИО.— СПб., 1884.— Т. 41.
- ²¹ ПСРА. Т. XIII.— М., 2000.— С. 60–61, 69.
- ²² Худяков М. Г. Очерки истории Казанского ханства.— М., 1991.— С. 172.
- ²³ Сб. РИО.— СПб., 1884.— Т. 41.— С. 107.

- ²⁴ Там же. — С. 116, 127.
- ²⁵ Князь Тонкач является родоначальником фамилий мещерских татар Тонкачевых, Булушевых, Алышевых, Кикичевых и др.
- ²⁶ Там же. — С. 141.
- ²⁷ Там же. — С. 118.
- ²⁸ Там же. — С. 119.
- ²⁹ Там же. — С. 141.
- ³⁰ Там же. — С. 119.
- ³¹ Там же. — С. 147–149.
- ³² Там же. — С. 176.
- ³³ Моисеев М. В. Выезды «татар»... — С. 489.
- ³⁴ Сб. РИО. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 76, 79, 151, 167, 209, 230.
- ³⁵ Зайцев И. В. Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой орды // Российская история. — 2013. — № 3. — С. 23–24.
- ³⁶ Сб. РИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 142–143.
- ³⁷ Там же. — С. 320.
- ³⁸ Там же. — С. 231.
- ³⁹ Там же. — С. 310.
- ⁴⁰ Посол Василей Шемячич Коробов.
- ⁴¹ Предполагаем в записи этого выражения ошибку. Правильно: «Прислал грамоту мордовской князь Темирев пасынок Алыш», то есть грамоту прислал Алыш — пасынок мордовского князя Темира.
- ⁴² Там же. — С. 223–224.
- ⁴³ Там же. — С. 230–231.
- ⁴⁴ Там же. — С. 230–231.
- ⁴⁵ Там же. — С. 313.
- ⁴⁶ Там же. — С. 251.
- ⁴⁷ Там же. — С. 378.
- ⁴⁸ Там же. — С. 292.
- ⁴⁹ Там же. — С. 293.
- ⁵⁰ Там же. — С. 301.
- ⁵¹ Там же. — С. 331.
- ⁵² Там же. — С. 292.
- ⁵³ В другом сообщении князь Аппак упомянул «лихого» человека, но не указал его имя, а написал Василию III: «а которого человека речей

Богатырь царевич слушал, ино и ты того человека знаешь». При этом Аппак отметил, что перед самым походом король прислал деньги: «многие куны к Богатырю царевичу прислал, да тем ему уноровил и оттоле Богатырь царевич учал лихому человеку верити, да шедши твоей украине лихо учинил» (Там же. — С. 399).

⁵⁴ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 257; Сб. РИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 399.

⁵⁵ Сб. РИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 377.

⁵⁶ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 235.

⁵⁷ Сб. РИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 145–154.

⁵⁸ Так, мурзы Ногайской Орды оправдывали свои походы в башкирские земли: «От прародителей, от Едигея князя с остяков ясак имывали по старине», «Ещо... при казанском царе мы владели иштеками» (Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии (XV–XVII вв.) // Тюркские народы современной Евразии. — Казань, 2011. — С. 95–121).

⁵⁹ Сб. РИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 154.

⁶⁰ Филюшкин А. И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. — СПб., 2007. — С. 309–336.

⁶¹ Трепавлов В. В. Большая Орда-Тахт эли. Очерк истории. — Тула, 2010. — С. 99.

⁶² «Къ нашей Орде по старине ясакъ давали, и дараги бы наши у нихъ по старине были, какъ было при Седехмате при царе» (Сб. РИО. — СПб., 1892. — Т. 35. — С. 289–291).

⁶³ Вести кочевой образ жизни крымским татарам попытался запретить хан Сахиб-Гирей (1532–1551), приказавший сломать все кибитки (Трепавлов В. В. История Ногайской орды. — М., 2001. — С. 230).

⁶⁴ Сб. РИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 364.

⁶⁵ «...князь Темиръ, дорога Рязанской, и прочии» (ПСРЛ. — СПб., 1913. — Т. 18. — С. 224).

⁶⁶ В. В. Трепавлов высказал сомнение, что выражение «дорога резанской» относится к князю Тимуру (Трепавлов В. В. Большая Орда-Тахт эли... — С. 33).

⁶⁷ Сб. РИО. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 92.

⁶⁸ Духовные и договорные грамоты. — М., 1950. — С. 144, 284–286.

⁶⁹ Сб. РИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 706.

- ⁷⁰ Лемесье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованным источникам из архива Музея дворца «Топкапы» // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. — Казань, 2009. — С. 47–56.
- ⁷¹ Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. Исторический архив. Т. VII. — М.-Л., 1951. — С. 280.
- ⁷² Абдиев А. Ш., Девликамов А. А. Андреев городок, 2012 [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.bastanovo.ru/2012/04/andr_gor (дата последнего обращения: 01.04.2016).
- ⁷³ Данная идея у авторов выкристаллизовалась в беседах с А. В. Азовцевым и А. В. Дидуком.
- ⁷⁴ В 1508 г. Андреев городок упоминается в возможной просьбе о его пожаловании царевичу Аккурт (Сб. РИО. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 15). Андреев городок упоминается также в родословной легенде князей Мещерских в связи с Беклемишем, сыном ширинского князя Бахмета Усейного. Примечательно, что если Беклемиш действительно историческое лицо, то он мог являться троюродным братом крымскому мурзе Айдешке (Акчурин М. М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». — Казань, 2011. — Вып. 2. — С. 191–203).
- ⁷⁵ Гыйләжетдинов С. М. Татар халык риваятьләре һәм легендалары. — Казан, 2000. — Б. 197–199.
- ⁷⁶ Сабитов Ж. М., Акчурин М. М. Генеалогии (шежире)... — С. 127–139.
- ⁷⁷ Ишеев М., Акчурин М., Абдиев А. Татарские княжеские роды на Цне // Сборник материалов 6-й ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». — Н. Новгород, 2010. — С. 64–70.
- ⁷⁸ Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). — Казань, 1998. — С. 209.
- ⁷⁹ «В Шацком князь Осиф Мосалской да князь Калач Тегменев» (Разрядная книга 1550–1636 гг. — М., 1975. — Т. I. — С. 67).
- ⁸⁰ «В Шатцком городе годует князь Иосиф Масальской да Иван Козинской; да в Шатцком же городе Кулак князь Темгенев» (Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 166).

- ⁸¹ Беляков А. В. Енгальчева Г. А. Темниковское княжество...— С. 62–71.
- ⁸² Трепавлов В. В. История Ногайской орды.— М., 2001.— С. 226.
- ⁸³ В других сообщениях назван мурзой.
- ⁸⁴ Посольские книги по связям России...— С. 95.
- ⁸⁵ Трепавлов В. В. История Ногайской орды.— М., 2001.— С. 184.
- ⁸⁶ Князь Баки внук того самого мангытского князя Темира, который мог являться рязанским даругой.
- ⁸⁷ Посольские книги по связям России...— С. 95.
- ⁸⁸ Моисеев М. В. Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства.— № 6.— 2014.— С. 84–90.
- ⁸⁹ Моисеев М. В. Касимов, «Мещерские места» в русско-ногайских отношениях // Третьи Яхонтовские чтения.— Рязань, 2005.— С. 422–427.
- ⁹⁰ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой.— Махачкала, 1997.— С. 93.
- ⁹¹ Там же.— С. 202.
- ⁹² 1539 г. июля 9.— Жалованная кормленная грамота в. кн. Ивана Васильевича кн. Еникею Тенишеву сыну Кугушева на судные пошлины в Темникове // Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века.— М., 2002.— Т. III.— № 186.— С. 156.
- ⁹³ Имя этого князя созвучно с именем казанского князя Мамыша, который упоминается в грамоте 1554 г., пожалованной детям князя Тениша, в качестве бывшего получателя ясака с мордвы Кучукова беляка. (Антонов А. В. Акты служилых татар 1525–1609 гг. // Русский дипломатарий.— М., 2002.— Вып. 7.— С. 223).
- ⁹⁴ Моисеев М. В. Взаимоотношения России с Ногайской Ордой в годы регенства Елены Глинской и боярского правления (1534–1541 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства.— 2015.— № 7.— С. 82–97; «Занже туто посмотри были люди не одны государя нашего, азтороканцы были и казанцы, и городетъской казак был туто же, да, лихо учинив, ко государю нашему не едет» (Посольские книги по связям России...— С. 101).
- ⁹⁵ Посольские книги по связям России...— С. 92–93.
- ⁹⁶ В преданиях жителей с. Бастаново говорится о том, что их предки вышли из Астрахани (Гыйләжетдинов С. М. Татар халык... — Б. 197–199).
- ⁹⁷ Имеется в виду место рядом с Дербышевской горой на противополо-

ложном от Темникова берегу Мокши.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 2104. Л. 4–5.

⁹⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 167.

¹⁰⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. — М., 2002. — Т. III. — С. 22.

¹⁰¹ Ишеев М., Акчурин М., Абдиев А. Татарские княжеские роды... — С. 64–70.

¹⁰² Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. — СПб., 1906. — Т. 24. Донские дела. — Кн. 2. — Стб. 473–476.

¹⁰³ К слову, скорее всего, Бибай мурза так и не вернулся из плена, так как в октябре 1644 г. донские казаки отписали, что людей Алмакая мурзы с деньгами и поныне нет, а своих денег для выкупа у них нет (Там же. — Стб. 590). На эту же мысль наводит наследование Сафаром мурзой напрямую деду Уразу мурзе.

¹⁰⁴ Лисейцев Д. В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале 17 столетия // Тюркологический сборник: 2005: Тюркские народы России и Великой степи. — М., 2006. — С. 238–282.

¹⁰⁵ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. — М., 2002. — Т. III. — С. 21.

¹⁰⁶ Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства. — Уфа, 1999. — С. 205.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 2284.

¹⁰⁸ Беляков А. В. Касимовские татары — станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа XVII в. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. — Рязань, 2001. — Т. 2. — С. 36–42; Беляков А. В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 2001; Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. — М., 2003. — Ч. 1–2.